

РОССИЙСКУЮ БЮРОКРАТИЮ НАДО ПРИНУЖДАТЬ К РЕАЛЬНОСТИ

Александр Погорельский

Александр Погорельский — директор Института Восточной Европы, издатель, главный редактор журнала о будущем «Прогнозис», издатель философско-литературного журнала «Логос», руководитель фонда «Метафутуризм»

РЖ *Уважаемый Александр Львович, в своих последних текстах и выступлениях президент РФ Дмитрий Медведев поднял подзабытую в ходе кризиса тему государственной стратегии. Способно ли Российское государство в нынешнем состоянии к разработке и реализации стратегических программ?*

Ключевой проблемой здесь является горизонт мышления российского бюрократа, от самого низкого до самого высокого уровня. К сожалению, этот горизонт сегодня ужасно короток — три–шесть месяцев. Это срок, на протяжении которого чиновник более-менее уверен, что усидит на своей должности, и пытается за это время получить максимум ренты от своего служебного положения. Мысли самых дальновидных не идут дальше 2012 года.

В стране катастрофически не хватает органа, который мог бы отделиться от сегодняшних проблем и думать о будущем России, фор-

мировать стратегию. Он не может состоять только из экспертов и консультантов, его должна возглавить мощная и независимая политическая фигура. Такой орган должен не только формировать стратегические задачи, но и обладать правом вето по решениям, угрожающим будущему страны. **Отсутствие долговременного политического центра — ахиллесова пята сегодняшнего развития.**

Создание такого органа по силам власти. Для этого нужна лишь политическая воля. С 2000 года мы уже не раз изобретали новые, не прописанные в Конституции структуры — Госсовет, Общественная палата, не раз повышали и снижали роль Совета безопасности. У органа, формирующего стратегию, может быть любой статус, но желательно, конечно, чтобы это был конституционный орган.

Проблема состоит и в «телевизионном» характере современного управления: существует лишь то, что есть на экране, некоторые встречи длятся ровно столько, сколько их показывают по телевизору. Пиар превалирует над реальным делом, сохранение рейтинга заботит больше, чем серьезные изменения в стране. Таким образом мы лишаем себя будущего.

Сильной власти нужна общественная поддержка. Однако рейтинговая поддержка власти, которая существует сегодня, на мой

желает лучшего будущего для своей страны и готов вкладывать в это свои силы. Нужно идти на сильные стратегические решения. Пусть рейтинг при этом несколько упадет. **Если власть хочет быть сильной, она не может быть популистской.**

Сегодня в России сложилась модель «суверенной бюрократии». Бюрократия перестала быть служивой, стала суверенной, вышла из-под политического контроля и навязывает свою волю руководству. Этот квазикласс вместе с привластным бизнесом сегодня является хозяином страны. Вновь созданный орган на деле должен исполнять роль хозяина, заставляя бюрократию служить России.

РЖ *Какие социальные слои могли бы поддержать изменения, о которых говорит президент?*

Поддержку нововведениям можно получить у самых разных слоев общества. Прежде всего — у предпринимателей, вернее, той их части, которые не конкурируют за вход в кабинеты чиновников, а своими организационными способностями и креативом создают национальный доход страны.

Есть серьезная прослойка внутри бюрократии, которой становится уже противно жить в условиях тотальной коррупции. Они хотят достойно жить, получать соответствующее содержание, выполнять

Есть серьезная прослойка внутри бюрократии, которой становится уже противно жить в условиях тотальной коррупции

взгляд, мало, чего стоит. Это поддержка людей, которых устраивает статус-кво, причем только до тех пор, пока их более или менее кормят. Такая поддержка улетучивается в одну минуту, и люди остаются один на один со своими проблемами. Серьезная политическая поддержка — это поддержка тех, кто

важную общественную функцию, работать на большие цели.

Сила сегодняшней коррупции — в том, что она самовоспроизводится. Если человек не участвует в коррупционных играх, его либо убирают, либо обходят через начальников или через подчиненных. В любом случае он является деструк-

тивным элементом в налаженном механизме коррупции. Но следует учитывать, что без бюрократии в XXI веке ничего серьезного не сделать, бюрократия — это грандиозное изобретение человечества. Аппарат управления необходим, чтобы транслировать власть в пространстве и во времени, только для этого он должен быть компактным и креативным.

Есть еще огромное количество людей, которые готовы потратить свою энергию на то, чтобы двигать страну. Среди них вымирающая научно-техническая интеллигенция. После развала СССР мы потеряли многое в образовании, утратили целые научные школы в математике, физике, химии, биологии. Мы бесплатно отдали эти школы вместе со специалистами развитым странам, в первую очередь США. Кто-то задохнулся от безденежья 90-х, кто-то впал в цинизм и апатию, от безумия сегодняшних дней — процент «откатов» в научной сфере один из самых больших. Кадры стареют. Кто-то «на коленке» продолжает что-то изобретать, не имея для этого ни необходимой инфраструктуры, ни должной защиты прав интеллектуальной собственности.

Искоренить коррупцию до конца не удавалось никому, но ограничить ее, ввести в берега — это задача сегодняшнего дня. **Китайский бюрократ, например, в первую очередь патриот и только во вторую — коррупционер.** При этом чем успешнее он как управленец, тем больше ему позволено в смысле коррупции. Правда, китайская бюрократия пережила культурную революцию, одним из достижений которой было ослабление бюрократии. Берусь утверждать, что если бы бюрократию не лишили силы во время культурной революции, то никаких успехов у Китая не было бы. Китайские бюрократы сегодня твердо хранят в памяти, для чего они существуют. Эта память до сих пор играет организующую, консолидирующую роль, приводя бюрократию в чувство.

Российской бюрократии не нужна «культурная революция» наподобие китайской. Ее нужно вернуть к реальности. Это сложнейшая задача, потому что именно она сегодня — хо-

зяин страны, и тот, кто действительно покусится на ее интересы сильно рискует. Фронтально победить коррупцию очень сложно. Начать можно с формирования зон с ограниченной коррупцией, которые станут основой перестройки всей страны. Возможно, такими зонами должны быть крупные антикризисные инвестиционные программы, такие как строительство новых городов, интермодальных комплексов, транспортных коридоров, Ямал, Сочи. На эти участки должно быть направлено небольшое количество честных людей из силовых структур, которых, слава богу, достаточно сохранилось. Нужно наделить их практически чрезвычайными полномочиями. Спротивляется местный чиновник-коррупционер реализации программы — уголовное дело. По-другому, увы, не получится. С коррупцией придется бороться достаточно сурово, но **это будет революция сверху.**

РЖ *Сможет ли Дмитрий Медведев вернуть государству роль мотора социального развития, победив коррупцию?*

Сомнительно, что такой шаг по силам одному человеку, даже если это президент. Он может это сделать только в союзе с другими членами сегодняшней команды. Необходимость кардинальных изменений должны осознать именно лидеры.

РЖ *Какие инновационные задачи государство могло бы поставить перед собой?*

Что требуется в инновационной сфере от государства? Первое — это создание возможностей для эффективных инвестиций и формирование реальной конкурентной среды. Второе — это создание инфраструктуры инноваций. Как минимум образовательной инфраструктуры. Американцы по всему миру создают школы, где детей с

первого класса обучают принципам ведения малого бизнеса, местного самоуправления и внедрению инноваций. У нас учат, прежде всего, давать взятки пожарному и санинспектору. В-третьих, усовершенствовать госсистему правовой защиты прав изобретателей, а также поддержки включения российских предприятий в мировые технологические и маркетинговые сети. В-четвертых — увеличение государственных затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Мы сегодня направляем на эти цели 1,5 процента ВВП, американцы — 2,5 процента. Получается почти в тридцать раз больше. О каком лидерстве в медицине, энергосбережении или информационных технологиях можно здесь говорить? Заметим, что Израиль и Южная Корея тратят на НИОКР 4–5 процентов ВВП.

Инерционный сценарий развития страны вполне возможен, но он ведет в пропасть. Дождемся еще одного подъема цен на нефть и газ, еще что-нибудь попилим, потом будем латать дыры, спасаясь от социального взрыва, а страна будет потихоньку опускаться. Что не даст нам спать в этот период так это изношенная энергетическая, транспортная, социальная инфраструктура страны. Это мощнейший фактор риска на ближайшее десятилетие. Экономические механизмы здесь, к сожалению, не работают. ■

Беседовала Любовь Ульянова